

УДК 821.161.1:159.922.1-055.2

МАРФА БОРЕЦКАЯ – ЖЕНЩИНА-ПОЛИТИК В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ Н. М. КАРАМЗИНА

Н. Н. Козлова

Тверской государственный университет
кафедра политологии

В статье следуются гендерные аспекты российского консерватизма в исторической повести Карамзина «Марфа-посадница». Автор показывает воплощение в данном произведении классических консервативных ценностей: сильной государственной власти (самодержавия), традиций, патриархального порядка.

Ключевые слова: консерватизм, женщина в политике, традиция, гендерные роли, патриархальный порядок.

«Галерея славных россиянок может быть весьма приятным сочинением, если автор, имея талант и вкус, изобразит лица живыми красками любви к женскому полу и к отечеству» [2, с. 231].

Николай Михайлович Карамзин (1766–1826) – «знаковая» фигура в художественной и интеллектуальной жизни России. П. Н. Берков справедливо заметил, что «объективная роль Карамзина в истории русской культуры, литературы и общественной мысли велика и плодотворна», так как он выступил «в роли дворянского идеолога-просветителя, журналиста, публициста, пропагандиста либерально-консервативного европеизма» [1, с. 186, 255]. Современный отечественный историк Ю. С. Пивоваров считает, что «Карамзин – первый среди русских социально субстанциональная личность; человек, заговоривший с богом властью обществом женщиной и самим собой на частном языке, который и стал русским литературным языком» [11, с. 80].

Обширное наследие Н. М. Карамзина, как свидетельствуют исследователи его творчества, вызывало споры о значении его трудов ещё при жизни, а со временем они становились все более жёсткими [5, с. 8–23; 19, с. 149–154]. Культуртрегер или реакционер – такие крайние позиции сложились в российском общественном мнении относительно фигуры Н. М. Карамзина. Выдающийся отечественный историк А. Н. Сахаров связывает специфику взглядов Н. М. Карамзина с переломным характером исторического момента: «То была эпоха, главным событием которой стала Великая французская революция, опрокинувшая устои феодализма» [13, с. 421]. Рубеж XVIII–XIX вв. в Европе и России был отмечен генезисом различных политических направлений – либеральных, консервативных и революционно-демократических, первыми попытками осмыслить национальную культуру. Поэтому в многогранном творчестве Карамзина прослеживаются как прогрессивные, так и консервативные тенденции. Противоречивость его

общественно-политических взглядов отразилась и в гендерном дискурсе, в котором сочетались элементы архаизации и модернизации.

Женская тема пронизывает всё творчество Карамзина – и литературное, и историческое, и политическое. «Говорю о женщинах для того, что сердцу моему приятнее заниматься ими», – писал Карамзин в одном из ранних своих произведений «Письмах русского путешественника» [4, с. 570]. По мнению Ю. М. Лотмана, Карамзин стремился дружить с женщинами, формируя новый тип отношений между полами [9, с. 253–261].

Творчество Н. М. Карамзина в значительной степени исследовано филологами, историками, политологами. В данной статье его историческая повесть «Марфа-посадница, или Покорение Новгорода» рассматривается с позиции гендерной методологии. Поскольку в современном гуманитарном знании «гендер» понимается как первичное означивание власти [14, с. 162], то, соответственно, способы маркировки явлений социально-политического порядка гендерными категориями явно или латентно присутствуют в текстах Н. М. Карамзина. Предметом исследования в представленной работе являются способы описания женщин в политическом мире.

Гендерный анализ западной общественно-политической мысли поставил под сомнение её универсальность [10, с. 12–14]. В результате гендерной ревизии социального и гуманитарного знания выявилась андроцентричность общественной мысли, отражающая гомосоциальную природу политического общения в традиционном обществе [16, с. 109]. Женщины, которые время от времени попадали в орбиту исторических событий, имеющих политическое значение, стимулировали исследовательский интерес, так как женский случай в политике помогал лучше понять универсальные правила политического порядка.

Анализируя гендерный дискурс Н. М. Карамзина, целесообразно выделить три этапа в его эволюции: литературный, в рамках которого Карамзин построил яркие женские образы (Лизы, Юлии, Раисы и др.); политико-публицистический, отмеченный созданием в панегирический и литературной форме образов женщин-политиков (Екатерины II и Марфы-посадницы), и исторический, на котором он описывал женщин – известных исторических персонажей (княгиню Ольгу и др.) [6, с. 125].

В своих первых знаменитых работах («Письма русского путешественника», «Бедная Лиза»), Н. М. Карамзин чётко разводит гендерные и политические дискурсы. Как идеалист, рыцарь масонской ложи, Карамзин-Рамзей нашёл в женщинах свою авторскую аудиторию. Исследователь журналистского амплуа Карамзина Т. Ф. Пирожкова считает, что изображение жизни простых людей давало «пищу для женского ума» [12, с. 21]. Карамзин эстетизирует описание женщин, вписывая их в частное/семейное пространство.

На втором, политико-публицистическом этапе своего творчества, который начинается с воцарения Александра I, Карамзин создаёт в своих произведениях две модели женщины-политика. Первым исключением из принципа несовместимости гендерных и политических описаний является «Историческое похвальное слово Екатерине II». Вторым произведением,

посвящённым женщине в политике, становится «Марфа-посадница, или Покорение Новгорода».

События исторической повести «Марфа-посадница» относят нас к 1485 г. – к первым попыткам централизации русских земель московскими князьями – и посвящено теме присоединения Новгорода к Москве. На мой взгляд, основная проблема, которую пытался решить Карамзин в данном произведении – это примирение двух консервативных ценностей: самодержавия московских князей, с одной стороны, и традиции вольности Новгорода, с другой. Осуждая феодальную раздробленность, автор повести показывает мудрость московского государя: «Мудрый Иоанн должен был для славы и силы отечества присоединить область Новгородскую к своей державе: хвала ему» [3, с. 680]. На этом фоне он демонстрирует историческую обречённость Новгорода, которую он воплотил в женском образе Марфы Борецкой. Ю. М. Лотман так пишет по этому поводу: «Попытки реализовать химеру теоретиков могут прикрывать или благородство трагически обреченных мечтателей, или своекорыстный эгоизм честолюбцев – и тем и другим противостоит осторожная мудрость государственных практиков. Таков конфликт между благородной носительницей идеалов новгородской свободы, “Катоном своей республики” Марфой,.. и суровым орудием государственной пользы Иоанном в повести “Марфа-посадница”» [9, с. 275–276].

С моей точки зрения, Карамзин сознательно выбрал из всех драматических событий присоединения русских земель к Москве именно новгородский сюжет. Впервые в русской истории борьбу целой территории за независимость возглавила женщина. Карамзин подчёркивает самобытность данной ситуации: «Однако же природа любит иногда чрезвычайности, отходит от своего обыкновенного закона и даёт женщинам характеры, которые выводят их из домашней неизвестности на театр народный... Марфа-посадница была чрезвычайная, редкая женщина, умев присвоить себе власть над гражданами в такой республике, где женщин только любили, но не слушались» [2, с. 227]. Описывая свой образ жизни до столкновения Новгорода с Москвой, Марфа, по словам Карамзина, рассказывает детям, что «было время,... когда мать ваша жила единственно для супруга и семейства в тишине дома своего, ... не знала ни вольности, ни рабства, не знала, повинуюсь сладкому закону любви, что есть другие законы в свете, от которых зависит счастье и бедствие людей» [3, с. 703]. Поэтому случай Марфы-посадницы демонстрирует факт присутствия в публичной сфере такого маргинального, с точки зрения политики, слоя населения, как женщины. Карамзин в принципе осуждает желание Борецкой заниматься политикой, однако историческая реальность, воссозданная Карамзиным, была такова, что помимо Марфы не нашлось граждан, желающих и способных возглавить выступление против притязаний Иоанна. Отсутствие сильных мужчин-воинов, которое и привело Марфу к нестандартному решению стать посадницей, также показывает историческую обречённость Новгорода.

Карамзин называет Марфу величавой, мудрой, великодушной, смелой, описывает тихий, важный и скорбный облик Марфы. Анализируя образ Марфы у Карамзина, филологи находят в ней и черты древней римлянки, и всеильной матери-вдовы из народного эпоса, и персонажей французских

авторов Шенье, Давида, Летьера, и героев Шекспира, и современников Карамзина, отстаивающих свои права во время Великой Французской революции [18, с. 305–308; 7, с. 215–216; 8, с. 167–168; 17, с. 109–112]. Однако «только страстную, пылкую, умную, а не великую и не добродетельную женщину» видел в Марфе, по словам Карамзина, летописец [3, с. 681]. Единственно мудрым общественным деятелем в повести выступает московский князь Иоанн, который «всё предвидит, и, зная, что разделение государства было виною бедствий его, он уже соединил все княжества под своею державою и признан властелином земли русской» [3, с. 685].

В повести сходятся две правды, два порядка, две политические системы, имеющие гендерный подтекст – Московская и Новгородская. Московская правда, основанная на единовластии, славит самодержавие – «народы мудрые любят порядок, а нет порядка без власти самодержавной» [3, с. 683]. Она воплощает в себе власть отцовскую, которая не потерпит «отделение старшего сына Новгорода от братии» [3, с. 683]. Правда новгородская славит вольность и честь, разделение военной и гражданской власти в лице князя и в институте вече соответственно. Такое разделение на военную и гражданскую власть делало присутствие князя необязательным в период мирного времени. Однако война показала неэффективность сложившейся в Новгороде политической системы. Отсутствие в нём военачальника во время противостояния с Москвой являлось одной из причин поражения новгородцев. Глава новгородского воинства, молодой неопытный юноша Мирослав, гибнет в первой же схватке с войском Иоанна.

Марфа отстаивает новгородскую правду, обличая на народном собрании клевету и властолюбие московского князя, его корысть и зависть к благополучной судьбе, богатствам Новгорода, не пострадавшего от монголо-татарского ига. Она презрительно отмечает падение других русских княжеств «на колена пред гордым ханом... для спасения поносной жизни» [3, с. 688–690].

Карамзин раскрывает в повести политические статусы подданства и гражданства. «Одни сражались за честь, другие за честь и вольность», – так Н. М. Карамзин определяет основные ценности московской и новгородской партий соответственно [3, с. 713]. В тексте понятие «гражданин» чаще всего используется при описании народного собрания в качестве обращения к собравшимся в центре Новгорода мужчинам, способным держать оружие. Статус гражданства воплощает свободу, вольность и характерен для новгородской республики. После поражения новгородцы признают статус подданства в следующих словах: «Отныне воля самовластителя будет для нас единственным законом», «твори, что угодно владыке самодержавному!..» [3, с. 723].

Марфа Борецкая является единственной персоной, которая и после поражения новгородцев отстаивает и политическую модель Новгорода. Перед казнью она говорит: «Если любовь к свободе есть преступление для гражданки вольного отечества, то я не буду оправдываться... я все принесла в жертву свободе моего народа... Подданные Иоанна! Умираю гражданкою новгородскою» [3, с. 727].

Как и в других произведениях Карамзина, в нарративной структуре «Марфы-посадницы» важную роль играют мотивировки и психологические тонкости [15, с. 190]. Поскольку женщины в новгородской республике не могли участвовать в народном собрании, то первой задачей своего выступления она видит обоснование легитимности своего поведения. «Сердце мое любит славу отечества и благо сограждан... Жена дерзает говорить на вече, но предки мои были друзья Вадимовы (Вадим Храбрый – герой Новгорода, выступивший против Рюрика – Н. К.), я родилась в стане воинском под звуком оружия, отец, супруг мой погибли, сражаясь за Новгород. Вот право мое быть защитницею вольности! Оно куплено ценою моего счастья» – говорит Марфа [3, с. 687]. Патриотизм, кровь предков, место рождения и, наконец, статус вдовы, за которую некому постоять, – вот причины нарушения Марфой гендерного политического порядка. Однако главным фактором, побудившим Марфу выступить в качестве политического лидера, являлась супружеская клятва, данная её мужу перед его смертью. «С моею смертью умолкнет голос Борецких на вече, где он издревле славил вольность и восплял любовь к отечеству... Клянись заменить Исаака Борецкого в народных советах, когда его не будет на свете!», – так супруг Марфы требовал от неё отказа от традиционного для женщины образа жизни [3, с. 703]. Таким образом, политическая деятельность Борецкой является следствием выполнения ею социальной роли жены. В ходе событий Марфа регулярно приходит на могилу своего супруга Исаака Борецкого разговаривать с его тенью, отчитываясь в совершенных делах. Марфа рассказывает детям о преображении своего сознания, о своём становлении истинной патриоткой Новгорода, противопоставляя мужские и женские качества: «Гордость, славолубие, героическая добродетель есть свойство великого мужа: жена слабая бывает сильна одною любовию...» [3, с. 704] Итак, сила чувств – единственный источник, который питает присутствие Марфы в публичной жизни Новгородской республики.

По мере приближения к развязке сюжета Карамзин придает Марфе всё больше черт богородицы с её качествами заступницы, покровительницы. Он изображает Марфу, окруженную символами изобилия и дарами земными: «многочисленные слуги носили за нею корзины с хлебами», а она раздавала их голодающим во время осады новгородцам [3, с. 701]. Карамзин показывает внутреннюю борьбу Марфы и её упорство. В то время, когда народ начал голодать и роптать, одна Марфа осталась «тверда душою, деятельна в совете, словоохотна на Великой площади среди граждан и весела с домашними» [3, с. 701]. Несмотря на воинственный, агрессивный стиль поведения, образ Марфы не становится менее женственным. В день решающей битвы «новгородцы составляли одно семейство: Марфа была его матерью», была «любима народом своим», «хотела казаться равною со всеми и казалась царицею» [3, с. 706]. «Многие сами упали на колена пред Марфою, называли ее материю новгородскою» [3, с. 722]. Она вдохновляла народ и во время битвы: стояла на стене, держала в руке хоругвь отечества; иногда, видя отступление, она «грозно восклицала и махом святой хоругви обращала воинов в битву». «Имя вольности и Марфы бывало также радостным кликом победителей (ибо вольность и Марфа одно знаменовали в великом граде)», – признает Карамзин

[3, с. 717]. После поражения Марфа из грозной становится смиренной, но не сдаётся: она затворяется в доме Борецких, занимается рукоделием и ждёт решения своей участи.

В последнем слове к дочери Ксении Марфа подводит итоги своей политической деятельности: «Я все принесла в жертву свободе моего народа: самую чувствительность женского сердца ..., самую нежность матери...» [3, с. 725]. Марфа считает, что она исполнила клятву перед мужем, «ибо князь московский считает меня достойною погибнуть вместе с вольностью новгородскою» [3, с. 724]. Казнь Марфы является логичным заключением её земного женского пути. Не имея возможности погибнуть в битве как мужчина-воин, Марфа умирает на эшафоте как равная мужчинам.

Смерть Марфы означала установление нового политического порядка, имеющего гендерный контекст: царство матери сменилось царством отца. «Да узнает народ, что Иоанн желает быть отцом его... отныне вся земля русская будет вашим любезным отечеством, а государь великий – отцом и главою...», – говорил князь Холмский [3, с. 727]. Карамзин показал, что Марфа проиграла как политик. Первая из причин её проигрыша – ограниченность властных ресурсов Борецкой: Марфа как женщина не имела в Новгороде ни гражданской, ни военной власти, обладала только духовным авторитетом.

Вторая причина – политическая неопытность Марфы: публичный мир открылся ей только тогда, когда она стала взрослой женщиной. Война как общая судьба для всех жителей Новгорода явилась тем чрезвычайным условием, при котором стало возможным вхождение женщины в сферу политической власти. Клятва мужу стать лидером Новгорода – это ключевой фактор в формировании гражданского самосознания известной новгородской женщины. Таким образом, Карамзин описывает Марфу как чрезвычайно примерную жену, готовую выполнить любую волю мужа, даже нетипичную для русской женщины того времени роль политика. Но обреченность публичной миссии Марфы вытекает из её статуса как жены: она должна разделить судьбу супруга, погибнуть за Отечество. Придание действиям Марфы частно-семейной мотивации принижает её политическую самостоятельность, обесценивает её подвиг, но в то же время облегчает её восприятие как политика и женщины, не нарушившей традиционных женских ролей. Более того, Карамзин усиливает женственные черты Марфы качествами богородицы и фиксирует создание в Новгороде в период сопротивления матриархального сообщества во главе с Марфой. Поражение власти матери Новгорода – Марфы – являлось показателем крушения старого политического порядка и проявлением эффективности нового, отцовского, самодержавного порядка. Таким образом, гендерное насыщение политического процесса через личность Марфы было необходимо Карамзину для демонстрации силы и величия складывающегося самодержавия, необходимость которого автор отстаивал и в дальнейших трудах.

Список литературы

1. Берков, П. Н. Проблемы исторического развития литератур [Текст] / П. Н. Берков. – Л. : Худ. лит., 1981. – 495 с.
2. Карамзин, Н. М. Известие о Марфе-посаднице, взятое из жития св. Зосимы [Текст] / Н. М. Карамзин // Избранные произведения : в 2 т. / Н. М. Карамзин. – М. ; Л. : Худ. лит., 1964. – Т. 2. – С. 227–231.
3. Карамзин, Н. М. Марфа-посадница, или Покорение Новгорода [Текст] / Н. М. Карамзин // Избранные произведения : в 2 т. / Н. М. Карамзин. – М. ; Л. : Худ. лит., 1964. – Т. 1. – С. 680–728.
4. Карамзин, Н. М. Письма русского путешественника [Текст] / Н. М. Карамзин // Избранные произведения : в 2 т. / Н. М. Карамзин. – М. ; Л. : Худ. лит., 1964. – С. 77–604.
5. Кислягина, Л. Г. Формирование общественно-политических взглядов Н. М. Карамзина (1785-1803 гг.) [Текст] / Л. Г. Кислягина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 197 с.
6. Козлова, Н. Н. Архаизация и модернизация гендерного дискурса в творчестве Н. М. Карамзина [Текст] / Н. Н. Козлова // Жизнь в женском свете : к 60-летию В. И. Успенской ; под ред. Н. Н. Козловой ; сб. науч. ст. – Тверь: Твер. гос. ун-т., 2012 – С. 123–135.
7. Крестова, Л. В. Древнерусская повесть как один из источников повестей Н. М. Карамзина «Райская птичка», «Остров Борнгольм», «Марфа-посадница» [Текст] / Л. В. Крестова // Исследования и материалы по древнерусской литературе. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 193–227.
8. Кулакова, Л. И. Эстетические взгляды Карамзина [Текст] / Л. И. Кулакова // Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. XVIII век ; отв. ред. П. И. Берков. – М. ; Л. : Наука, 1964. – Сб. 6. – С. 146–175.
9. Лотман, Ю. М. Карамзин: Сотворение Карамзина ; статьи и исследования, 1957-1990 ; Заметки и рецензии [Текст] / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство, 1997. – 832 с.
10. Пейтмен, К., Шенли, М. Л. Введение [Текст] / К. Пейтмен, М. Л. Шенли // Феминистская критика и ревизия истории политической философии ; сост. М. Л. Шенли, К. Пейтмен ; пер. с англ. ; под ред. Н. А. Блохиной. – М. : РОССПЭН, 2005. – С. 11–24.
11. Пивоваров, Ю. С. Полная гибель всерьёз : Избранные работы [Текст] / Ю. С. Пивоваров. – М. : РОССПЭН, 2004. – 320 с.
12. Пирожкова, Т. Ф. Н. М. Карамзин – издатель «Московского журнала» (1791-1792 гг) [Текст] / Т. Ф. Пирожкова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. – 55 с.
13. Сахаров, А. Н. Уроки «бессмертного историографа» [Текст] / А. Н. Сахаров // Карамзин Н. М. История государства Российского : в 12 т. ; под ред. А. Н. Сахарова. – М. : Наука, 1989. – Т. 1. – С. 415–460.
14. Скотт, Дж. Гендер : полезная категория исторического анализа [Текст] / Дж. Скотт // Гендерные исследования. – Харьков : ХЦГИ, 2000. – № 5. – С. 142–171.
15. Топоров, В. Н. «Бедная Лиза» Карамзина. Опыт прочтения. К 200-летию со дня выхода в свет [Текст] / В. Н. Топоров. – М. : РГГУ, 1995. – 512 с.
16. Ушакин, С. Политическая теория феминизма : современные дебаты [Текст] / С. Ушакин // Введение в гендерные исследования : учеб. пособие ; под ред. И. Жеребкиной : в 2 ч. – Харьков: ХЦГИ – СПб.: Алетейя, 2000. – Ч. 1. – С. 107–146.
17. Фёдоров, В. И. Историческая повесть Н. М. Карамзина «Марфа-посадница» [Текст] / В. И. Фёдоров // Ученые записки МПГИ им. В. П. Потёмкина. – М. : Изд-во МПГИ, 1957. – Т. LXVII. – Вып. 6. – С. 109–120.

18. Флоринская, Ю. Ф. О художественном методе повести Карамзина «Марфа Посадница» [Текст] / Ю. Ф. Флоринская // XVIII век. Державин и Карамзин в литературном движении XVIII – нач. XIX в. ; под ред. П. Н. Беркова. – Л.: Наука, 1969. – Сб. 9. – С. 299–308.
19. Эйдельман, Н. Я. Последний летописец [Текст] / Н. Я. Эйдельман. – М. : Книга, 1983. – 174 с.

**MARPHA BORETSKAJA – A WOMAN VS POLITICIAN IN NOVEL
BY N. M. KARAMZIN**

N. N. Kozlova

Tver State Universiti
The Department of politologie

This paper examines gender aspects of Russian conservatism in the historical novel by N.Karamzin "Martha-Posadnitza", in which the classical conservative values are embodied: a strong state power (autocracy), traditions, and patriarchal order.

Key words: *conservatism, woman in politics, tradition, gender roles, patriarchal order.*

Об авторах:

КОЗЛОВА Наталия Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Тверского государственного университета (170000, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33), e-mail: n_s@pochta.ru